240 ЛЕТ СО ВРЕМЕНИ ПУСКА БАРНАУЛЬСКОГО СТЕКОЛЬНОГО ЗАВОДА

С ростом поселка Барнаульского сереброплавильного завода увеличилась потребность в стекле и стеклянной посуде как для жителей, так и для госпиталя, аптеки, лаборатории. Доставка его из Москвы и Петербурга влетала в копеечку, а сколько еще билось в дороге!

В 1753 г. Кабинет разрешил построить здесь свой стекольный завод. Место для него выбрали в верховьях заводского пруда, на правом берегу, в трех верстах от поселка. Из Петербурга прибыли два «стеклянных» мастера: Калашников и Кормовесицкий, в помощь им определили 11 учеников.

В январе 1755 г. завод выдал первую продукцию, но первый блин вышел комом: стекло получилось с «туманом», мутным. Причину брака «стеклянные» мастера выявить не смогли. Тогда «правящий дела начальника заводов» И. С. Христиани поручил это сделать унтер-шихтмейстеру Ивану Ползунову, будущему изобретателю «огненной» машины.

С 12 марта до 2 апреля Ползунов безотлучно провел на заводе, дотошно вникая в самомалейшие мелочи производства стекла, о чем доселе понятия не имел, и докопался-таки до причины «тумана». Оказывается, стекло неправильно охлаждали после закалки. Особенно быстро появлялся «туман» при наливании в посуду холодной воды.

Ползунову мы обязаны подробным описанием технологического процесса, а также условий труда на стекольном заводе. Работа на нем шла круглосуточно, в две смены, по 12 часов. Один мастер руководил варкой «материи», другой — изготовлением посуды. Стекло варилось трех сортов: зеленое (самое дешевое), белое и хрустальное (для начальства). Выдувание посуды — бутылей, бокалов, колб и пр. производилось силою легких стеклодува. Особенно трудоемким было изготовление оконных стекол (тафлей). Вот как описывает Ползунов лишь одну операцию — обрезку заготовки от лишних частей: «Холодные тафли каждая порознь концом раскаленного рожня вдоль вожены по одной линии. И как тем несколько бороздку нагреет, то тотчас же в скором времяни один конец тафли мокрым пальцем концом дотыкан отчего те тафли по одной линии, которая нагревана была, раскалывались прямо вдруг».

Так же мокрым пальцем дотыкивали нагретую линию обреза горлышек бутылей и пр. Все это проделывалось у пышу-

щих жаром, никогда не затухавших четырех особых печей — «каленищ» и «материального горна», расположенных в единственном «цехе» завода, в облаках дыма, пара, пыли...

Вскоре заводские потребности были удовлетворены, стекло и стеклянную посуду стали продавать населению. Продавали на вес, а были они по сравнению с современными значительно тяжелей. Так, колба весила 4,4 кг, реторта — 4,2 кг, песочные часы — 660 г. Но толщина стенок прочности им не прибавляла. Даже, находясь в шкафу, посуда порой трескалась неизвестно отчего. Канцелярия и тут сумела извлечь выгоду: распорядилась продавать фунт целой посуды за полтора фунта осколков стекла того же сорта. Осколки шли на переплавку.

Нередко продавцы, как все продавцы, мошенничали: сбывали белое стекло за хрустальное. Чтобы пресечь это, Христиани распорядился окрашивать белое стекло в лазоревый цвет «синим крахмалом», доставляемым из Санкт-Петербурга.

Как бы там ни было, а деятельность завода благотворно отразилась на внешнем облике поселка: в окнах большинства домов вместо бычьего пузыря и слюды появилось настоящее стекло. К сожалению, этот прогресс до Змеиногорского рудника и Колыванского завода не дошагал, видимо, по причине чрезвычайной хрупкости барнаульского стекла.

Весной 1764 г. стекольный завод был временно закрыт, в нем построен небольшой горн для отливки мелких частей «огненной» машины Ползунова. А в следующем году рядом с заводом появилось внушительное здание для «огненной» машины и несколько позже — три сереброплавильных печи. Вскоре сюда же, в опустевший домик «стеклянных» мастеров, переселился Иван Ползунов. Здесь он и умер, неделю не дожив до пуска своего детища...

Барнаульский завод знаменит еще тем, что в 1764 г. здесь будущий академик К. Г. Лаксман впервые провел опытную варку стекла с применением сульфата натрия, что было выдающимся достижением русской химической прикладной науки XYIII в. Впрочем, в Барнауле это новшество не привилось.

Одно время, «ради бережения лесов», часть завода перебросили за Обь, в Бобровский бор. Там варили «материю» и везли ее в лодке на старый завод «для дела стекла». Практика показала, что гораздо дешевле возить оттуда дрова. Была попытка продать завод частным лицам, но охотников не нашлось.

С годами на заводе появились кое-какие новшества. Так, стекло вместо «рожня» стали резать «искрой» (алмазом). Несколько улучшилось качество изделий, расширился их ассортимент. При П. К. Фролове пытались делать даже фарфор, вероятно, по его заказу. Но в целом технология производства за сто лет мало изменилась, и завод оказался неспособным конкурировать с появившимися в Сибири частными предприятиями, а горнозаводское начальство вниманием его не баловало.

В начале 50-х годов XIX в. завод был закрыт.

В. Ф. Гришаев

ЛИТЕРАТУРА

САВЕЛЬЕВ Н. Я. Сыны Алтая и Отечества. Ч. I. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1985. 375 с. — Из содерж.: Алтайские мастера хрустального дела: [Очерк истории Барнаульск. стекол. з-да]. — С. 14—51: рис. — Прил.: Записка, содержанная унтер-шихтмейстером Ползуновым: [Отчет о его опытах на стекол з-де в 1755 г.]. С. 359—363.

ЮДАЛЕВИЧ М. Стекло и хрусталь //Юдалевич М. Барнаул (1730—1917). Барнаул, 1992. С. 20—21.

Документальные источники

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ архив Алтайского края, ф. I, оп. I, д. 193, лл. 61—94.